

Акико Ёсано до боли стиснула пальцы. Сердце ее колотилось от подступающего страха. Еще несколько часов назад она спокойно работала в кондитерской, а теперь сидела в кузове грузовика, который увозил ее в неизвестность.

«Ах, если бы я была хоть немного осторожнее...»

Тогда никто бы не прознал, что девчонка владеет редчайшим даром — эсперской способностью «Не отдавай, любимый, жизнь свою». Она бы и дальше жила тихой, неприметной жизнью.

Дар следовало беречь от чужих глаз. Но в тот кошмарный миг в голове у нее все помутилось, и рука сама вонзила десертную вилку в горло посетителю. А затем на глазах у онемевшей толпы свершилось чудо.

Кто бы мог подумать? Одиннадцатилетняя девочка всего лишь спасла жизнь случайному человеку, умиравшему после теракта, и тут же попала под принудительную мобилизацию. Впрочем, Япония, задыхавшаяся от острой нехватки сильных эсперов, не отпустила бы никого — а уж тем более целительницу ее масштаба.

Человек по имени Огай Мори забрал ее и увез на далекий, мрачный остров Токоями.

— Акико, ты невероятно важна для нас, — негромко говорил он. — Только ты способна вырвать этих людей из когтей смерти.

— Понимаешь, ведь каждый из них хочет вернуться домой живым. И я тоже этого хочу.

— Если ты будешь использовать свой дар и поможешь им выстоять в этой битве, мы все вернемся домой вместе.

Этот человек, столь бесцеремонно назвавший ее по имени, шипел точно змея, испускающая яд. Медленно, капля за каплей, он вливал отраву в душу наивного ребенка, привлекая Акико в бездну, откуда нет возврата.

«Если я буду без конца лечить их... мы сможем вернуться домой?»

Она безоговорочно верила в силу своего дара. И именно эта слепая вера позволила сладостным речам Огая Мори соткать перед глазами девочки иллюзию спасения.

— Я... я спасу их!

Глупое, самонадеянное дитя. В конце концов она произнесла именно те слова, которых от нее так ждали.

Несмотря на столь громкое заявление, поначалу Акико робела, оказавшись в лагере. Но глядя на искалеченных, перебинтованных солдат, она упрямо задирала подбородок. Пытаясь казаться всемогущей, девочка выкрикивала нелепые, дерзкие обещания:

— Я спасу вас всех! До единого! Только попробуйте мне умереть!

И никто не смеялся над ее словами.

Для них она была Ангелом смерти.

И никто ее не боялся.

Ведь перед ними стояла всего лишь испуганная маленькая девочка.

Их командир, Огай Мори, оказался выпускником медицинского факультета Токийского университета. Чтобы Акико могла точнее наносить смертельные удары для последующего исцеления, он лично обучал ее анатомии.

Но в его присутствии девочку то и дело охватывало смутное, подспудное отвращение — первобытный страх жертвы перед хищником, точно мышь оказалась перед сытым котом или кролик забрел в тигриное логово.

«Наверное, просто кажется».

В конце концов, если не считать странной привычки Мори наряжать ее в разные платица, командир всегда казался мягким и услужливым человеком.

Поэтому Акико работала не покладая рук. День за днем она проводила в душном полумраке лазарета, безжалостно рассекая скальпелем плоть раненых, чтобы довести их до грани гибели и вернуть к жизни. Солдаты шли через ее операционный стол непрекращающимся конвейером.

«Как же я устала...»

Стоило этой мысли шевельнуться в голове, как девочка принималась мысленно корить себя. На передовой солдатам приходится в тысячу раз тяжелее! Ей ли, трудящейся в тихом тылу, жаловаться на усталость?

«Как же тяжело...»

Пальцы Акико немели, отказываясь подчиняться. Вид развороченных ран и хлещущей крови больше не вызывал тошноты — в душе воцарилось тупое, серое безразличие. Ей хотелось лишь одного: чтобы все это наконец прекратилось.

«Как же я... устала».

Она полоснула себя ножом по горлу. Девочке казалось, что эта давящая тяжесть — лишь следствие физического истощения, и целебная вспышка способности вернет ей былые силы.

Проводив последнего на сегодня искалеченного бойца, Акико привалилась к косяку, жадно глотая ртом холодный ночной воздух, сочащийся из раскрытого окна.

Все ведь шло как обычно. Откуда же взялась эта свинцовая тяжесть во всем теле?

Она попыталась сосредоточиться. Ах да... Те ласковые солдаты, что прежде улыбались ей и дарили пустяковые подарки, вдруг перестали ее замечать. Впрочем, на войне люди быстро черствеют и выбиваются из сил. Наверное, им просто не до нее.

Акико опустила взгляд на свои ладони, покрытые коркой подсохшей крови. Раньше она бежала умываться после каждого пациента, но сейчас у нее не было сил даже поднять кувшин.

«Ладно, прилягу ненадолго».

Она опустилась на низкий табурет возле кровати и уставилась на пропитанную кровью простыню пустым, безжизненным взглядом.

Чья это кровь?

Вот это бурое, почти черное пятно... Наверное, того доброго парня, что подарил ей заколку с бабочкой. Сегодня утром его взвод отправили в бой.

А то, что посветлее, оставил другой солдат. Тот самый, который в редкие минуты затишья вырезал из дерева дудочки и насвистывал незамысловатые мотивы.

Самое свежее, алое пятно принадлежало последнему раненому. Акико сжала зубы от накатившего чувства вины: она ведь только занесла скальпель, как поняла, что спасать уже некого. Жизнь покинула тело до того, как сработал ее дар.

Она тяжело вздохнула. Губы пересохли и слиплись — девочка так долго сидела, крепко сжав рот и забыв сделать хоть глоток воды. С трудом поднявшись, она побрела к столу, надеясь отыскать чистый стакан.

Из угла донесся шорох.

Акико замерла. Перед ней из ниоткуда соткался незнакомый силуэт.

— Ты кто такой? — хрипло выговорила она.

Она схватила стоящую у стены тяжелую пилу и дернула за шнур стартера. Двигатель взревел, и хищные стальные зубья, зловеще поблескивая в полумраке, уставились прямо в грудь незваному гостю.

Внезапно переместившийся в лазарет Аль-Хайтам чувствовал лишь глухое раздражение. Надо же — принудительный призыв без всякого согласия с его стороны.

****[Хост, даже не думай отлынивать! Если продолжишь уклоняться от работы, я аннулирую все твои предыдущие награды!]****

Система, которой порядком надоело тотальное игнорирование со стороны подопечного, кипятилась не на шутку. Впрочем, заходить в своем упрямстве слишком далеко Аль-Хайтам не планировал, а потому просто ткнул в первое попавшееся задание из списка.

«Надо же, перенесло прямо сюда».

Пожалуй, до сих пор он недооценивал возможности этой навязчивой сущности.

Он повернул голову к девочке, застывшей в боевой стойке. Встрепанная, испуганная — вылитый дикий котенок, который из последних сил шипит и топорщит шерсть, пытаясь казаться грозным зверем.

Но на большее ее не хватило.

Аль-Хайтам без лишних усилий обезоружил пигалицу, связал ее простыней и аккуратно уложил на соседнюю свободную койку.

— Ты на грани истощения, — ровным голосом произнес он.

Еще при появлении он заметил, как Акико судорожно прижимает руку к груди, пытаясь унять бешеное сердцебиение, а ее взгляд блуждает, теряя фокус. Сопоставив эти симптомы с тем, что ему было известно о здешней ситуации, мужчина вынес однозначный вердикт.

— Я не умру, — упрямо буркнула девочка.

Если в ее истерзанном мире и оставалось что-то надежное, так это собственная способность. Стоило телу подвести ее, как «Не отдавай, любимый, жизнь свою» возвращала плоть в безупречное состояние.

«Почему никто не идет?»

Ее охватила тревога. Ведь она успела нажать на кнопку тревожной сигнализации. Где же хваленые охранники? Где Огай Мори, который клялся беречь ее пуще глаза?

— Бесполезно, — пресек ее надежды гость. — Вместо того чтобы забивать голову чепухой, лучше поспи. Как только время выйдет, я уйду.

Мысли девчонки читались без труда. Ее явно держали в тепличных условиях и даже не потрудились обучить элементарным навыкам маскировки эмоций.

Аль-Хайтам мысленно отметил, что эта девчушка выглядит куда покладистее тех двух несносных типов, с которыми ему приходилось иметь дело раньше. По крайней мере, в ее голове не роились бесконечные каверзы и интриги.

<http://bllate.org/book/18256/1755656>